

Алевтина Лавриненко
Жешув

**О некоторых полонизмах и их восточнославянских
соответствиях в деловой письменности южной
и юго-западной Руси XIV–XV веков**

В истории восточнославянских языков XIV и XV века – это эпоха коренных изменений, сопряженных с очень сложными общественно-политическими условиями и преобразованиями. Происходит фактическое разделение восточного славянства на Русь Северо-Восточную – далее Русь Московскую, и Русь Западную и Юго-Западную – Русь Литовскую.

При князе Ольгерде (1345–1377) границы Великого княжества Литовского простирались до Черного моря на юге, на востоке они охватывали Витебск, Киев, Чернигов и Брянск (позднее сюда присоединяется и Смоленск), на западе часть Волыни с Острогом. Галицко-Волынское княжество (Галичина и другая часть Волыни) вошло в состав Польши. Буковина оказалась под властью молдавского господаря, а Карпатская Русь вошла в состав Венгрии¹.

Во второй половине XIV века после брака князя Ягайло (Ягелло) с королевой Ядвигой в 1386 году Великое княжество Литовское постепенно входит в состав Польско-Литовского государства, первоначально на правах автономии. Все это способствовало активному распространению польского языка на территориях Юго-Западной (в широком понимании) Руси.

¹ Б. А. Успенский, *История русского литературного языка (XI–XVII веков)*, Москва 2002, с. 386.

По словам Б. А. Успенского, *западное культурное влияние в Юго-Западной Руси было исключительно сильным, распространяясь на самые разные аспекты культуры и, в частности, сказываясь на языке. Культурные деятели Юго-Западной Руси обычно владели польским языком как родным*².

Как отмечал П. П. Плющ,

... в XIV–XV веках в украинской письменности укоренился типичный для эпохи феодализма языковой дуализм: использование церковнославянского (точнее славяно-русского) языка в литературе церковно-религиозной и использование языка, сближенного в известной мере с живой устной украинской речью «письменных» (т.е. грамотных) людей того времени – в деловых государственных актах литовско-польских канцелярий.

(...) В истории этого (второго – А.Л.) типа литературного языка следует различать два периода: XIV–XV века и XVI–XVIII века. Первый период характеризуется употреблением его почти исключительно в государственных актах и переписке литовских канцелярий. (...) В своей основе это унаследованный от Киевской Руси деловой язык («Русской правды» и грамот XII–XIII веков), значительно обновленный, главным образом в своем лексическом составе, за счет новой канцелярско-юридической терминологии, заимствованной из деловой письменности Великого княжества Литовского, то есть включивший немало украинизмов, белорусизмов и частично полонизмов, отражавших живую речь образованных украинцев и белорусов, в которой после Кревской унии 1385 года наблюдается влияние польского языка³.

В цитированных словах П. П. Плюща вызывает недоумение следующее: каким образом язык, используемый в государственных актах и переписке Великого княжества Литовского, *заимствовал* канцелярско-юридическую терминологию *из деловой письменности Великого княжества Литовского*? Думается, что слова П. П. Плюща следует уточнить: язык деловых документов Юго-Западной Руси (староукраинский равно как и старобелорусский) был *родным, местным*. Канцелярско-юридическая терминология *не заимствовалась, а стихийно создавалась* здесь же, *на этих же территориях*. Очень большую роль при этом сыграли даже не литовские, а галицкие канцелярии. В какой мере на этот язык влияли полонизмы? Если следовать

² Там же, с. 387.

³ П. П. Плющ, *Русская «простая» мова на Украине в XVI–XVIII веках*, [в:] *Начальный этап формирования русского национального языка*, ред. Б. А. Ларин, Ленинград 1961, с. 219–220.

за мыслью П. П. Плюща, то польское влияние было лишь *частичным*. А вот что пишет об этом А. Золтан:

первые галицко-волинские грамоты, дошедшие до нас в подлинниках, которые возникли около середины XIV века, то есть после присоединения Галицкой Руси к Польше, и вышли из русской канцелярии польского короля Казимира III, не являются простыми снимками с одновременных латинских грамот королевской канцелярии, а их формуляр представляет собой своеобразную контаминацию традиционных древнерусских и новых латинских образцов. ... В основу административного языка Великого княжества Литовского была положена практика русской (галицкой) канцелярии, существовавшей при польском королевском дворе со времен Казимира III. Этим и объясняется, что в литовских великокняжеских грамотах при Ягайле и Витовте преобладает южноукраинская (галицкая) языковая стихия, а не, как ожидалось бы, белорусская. Белорусские черты в административном языке Великого княжества Литовского берут верх только во второй половине XV века⁴.

Таким образом, в основе делового языка Юго-Западной Руси был язык территорий, ранее всего вошедших в состав Польского королевства. Естественным результатом этого должно быть активное (не частичное!) проникновение в этот язык полонизмов.

Наши наблюдения показывают, что польское влияние в документах XIV–XV веков было *очень значительным*, если не сказать *огромным*. Происходило слияние, конвергенция «русской» (южно-западнославянской) языковой стихии и польской. Правда, истинная инвазия полонизмов на указанные языковые территории происходит позднее, в XVI–XVII веках.

Полонизмы, вливаясь в староукраинский язык стихийно или целенаправленно, подвергались процессам адаптации, в результате чего либо оставались и закреплялись в языке, либо отторгались, проигрывая перед уже существующими, автохтонными, языковыми единицами.

Конечно, процессы вхождения полонизмов в староукраинский язык и – шире – в восточнославянскую языковую систему в каждом конкретном случае требуют индивидуального рассмотрения. Поэтому целью данной статьи и является конкретное рассмотрение некоторых полонизмов, составляющих лексические варианты (синонимы) для имеющихся восточнославянских соответствий.

⁴ А. Золтан, *Западнорусско-великорусские языковые контакты в области лексики в XV веке (к вопросу о западной традиции в деловой письменности Московской Руси)*, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Москва 1984, с. 9–10.

Статья выполнена на материалах *Словника староукраїнської мови XI–XV ст.*, під ред. Л. Л. Гумецької та І. М. Керницького, т. 1–2, Київ 1977–1978 (далее ССУМ).

Материалы указанного словаря свидетельствуют о наличии многочисленных лексических пар или даже лексико-семантических групп (ЛСГ), составным элементом которых выступают полонизмы. Остановимся здесь только на некоторых вариантных единицах.

Быдло – скоть

Быдло (1)⁵ (*сmн bydło*) худоба (ССУМ 1, 137) – **скоть** (20) 1) худоба (велика рогата); 2) худобина (ССУМ 2, 350). Примеры: Волно резникомъ ... быдло купуючы, в рынку и в клеткахъ своихъ тушами и чвертями, и на шроты рубаючы, кому хотя продавати волно, не даючы до скарбу Нашого жадное повинности, плечкового и лоевого (Луцьк, 1389) (ССУМ 1, 137);

А кто иметь купити скоть или бараны, у баковѣ... не надобѣ нигдѣ мыто дати, нижъ тамъ гдѣ купиль (Сучава, 1408); а у черновци... отъ скота одинъ грошъ, отъ десать свинии одинъ грошъ ... а отъ кони и отъ кобылы по два гроши (Сучава, 1408) (ССУМ 2, 350).

Между лексемами **быдло** и **скоть** в анализируемых материалах отмечается различие в сфере функционально-семантической: **быдло**, будучи собирательным наименованием, представляло собой обобщенное обозначение домашних животных вообще, а **скоть**, также будучи собирательным, – только крупный рогатый скот. Лексема **быдло** представлена только одноразово (гапакс) в отличие от более частотной лексемы **скоть**.

Старопольский язык знал обе лексемы: и *skot* и *bydło*. Более древней формой считается **скот** – славянское заимствование из готского *skatts*. Как указывает А. Брюкнер, *w cerkiewnym i starorubskim skot nie tylko 'bydło', ale i 'pieniądz'*⁶. В ССУМ находим также и **скоть**, **скотець** в качестве названия денежной единицы (ССУМ 2, 349–350). *Skot* и его дериваты находим в *Словаре Линде*⁷, в *Словаре*

⁵ Первая цифра в скобках означает количество употреблений в грамотах.

⁶ A. Bruckner, *Słownik etymologiczny języka polskiego* (przedruk), Warszawa 1993, s. 495–496.

⁷ M. Samuel Bogumił Linde, *Słownik języka polskiego* (reprint), Warszawa 1995, t. V, s. 294.

Аркта⁸. MSZP отмечает только формы **skotopaska** – *pasterka bydła*, **skotopaśca** – *pasterz*, *pastuch*⁹. Современный *Słownik języka polskiego* в 3-х томах под редакцией М. Шимчака лексемы **skot** и производных не фиксирует. На современном этапе доминирующей является лексема **bydło** и ее дериваты¹⁰.

В *Словаре русского языка XI–XVII веков* лексема **быдло** не представлена, зато лексема **скоть** образует большое семантико-деривационное пространство.

Скоть – 1) домашнее четвероногое хозяйственное животное: вол, корова, овца, свинья, осел, лошадь и проч.; совокупность этих животных; 2) любое четвероногое животное; бессловесная тварь; совокупность таких животных; 3) имущество; 4) деньги; денежный побор¹¹. Деривативные формы: **скотарь**, **скотий**, **скотиевъ**, **скотильный**, **скотининъ**, **скотинишка**, **скотинка**, **скотинникъ**, **скотинница**, **скотинный**, **скотинообразный**, **скотинский**, **скотинствие**, **скотишка** (скотишко), **скотникъ**, **скотница**, **скотничество**, **скотничий**, **скотный**, **скотоблудие**, **скотоблудство**, **скотоблужение**, **скотовый**, **скотожительный**, **скотолѣпнѣ**, **скотолѣпно**, **скотолѣпный**, **скотоложие**, **скотоложникъ**, **скотоложствие**, **скотолюбе** («корыстолюбие»), **скотолубство** («корыстолюбие»), **скотоосквернитель**, **скотопажитный**, **скотопажный**, **скотопасецъ**, **скотопитатель**, **скотопитательный**, **скотопищникъ**, **скотопищный**, **скоторастлѣние**, **скотострастие**, **скотоумный**, **скотски**, **скотский**, **скотство**, **скотя** («домашнее животное»), **скотяной**¹².

Как видим, деривационное поле лексемы **скоть** было достаточно обширным. Более того, отмечены даже формы степеней сравнения, что для относительных прилагательных и в прежние эпохи было явлением редким: **скотѣе**, **скотинѣйше**¹³.

В материалах ССУМ деривативные формы лексемы **скоть** представлены гораздо скромнее: **скотии** (5) удоб'ячий; **скотина** (6) худобина (ССУМ 2, 349–350). Добавление суффикса единичности **-ина** к слову **скоть**, позволяло на выделение отдельных единиц скота из

⁸ M. Arcta, *Słownik ilustrowany języka polskiego* (reprint), Warszawa 1995, t. II, s. 799.

⁹ *Mały słownik zaginionej polszczyzny*, red. F. Wysocka, Kraków 2003, s. 305.

¹⁰ *Słownik języka polskiego*, red. M. Szymczak, Warszawa 1992, t. 1, s. 225.

¹¹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, ред. Г. А. Богатова, Москва 2000, вып. 25, с. 6–7.

¹² Там же, с. 7–13.

¹³ Там же, с. 8.

общей массы (сравним современное украинское **худобина** в том же значении).

Сравнение семантики слова **скоть** в материалах ССУМ и в *Словаре русского языка XI–XVI веков* свидетельствует о том, что старорусская лексема была семантически более ёмкой. Староукраинская лексема, обозначающая только крупный рогатый скот, была более конкретной и семантически ограниченной. Видимо, именно это обстоятельство позволило быстро войти новому западнославянизму **быдло** в лексическую систему староукраинского языка в качестве обобщенного названия домашних четвероногих животных.

От лексемы **быдло** в материалах ССУМ деривативные формы не представлены, что может дополнительно свидетельствовать о недолговременности, относительной новизне этой лексемы в староукраинском языке.

А. Баньковский относит появление лексемы *bydło* в старопольском языке в ее первичном значении (дериват от **бы-ти**) *byt, pobyt, siedzi-ba, mienie* к XIV–XV векам *w tekstach religijnych*¹⁴. Появление значения “ogół (całe stado) krów, owiec itp.”, по мнению А. Баньковского, первично было исключительно польским и относится к первой половине XVI века. Из польского языка позднее заимствуется **быдло** в диалектную речь белорусского, украинского и русского языков¹⁵.

Как видим, материалы ССУМ позволяют значительно уточнить хронологизацию А. Баньковского, касающуюся лексемы **быдло**: во-первых, не в первой половине XVI века, а уже в конце XIV века отмечается рассматриваемая лексема в данном значении (см. выше пример из грамоты, написанной в Луцке в 1389 году); во-вторых, лексема отмечается в речи восточных славян, образовавших позднейшие украинскую и белорусскую народности, а значит, лексема **быдло** в ее современном значении появляется не позднее, а скорее всего, почти одновременно с ее польским оригиналом, чему способствовали политические условия того времени. В русский же язык эта лексема проникает, видимо, через украинско-белорусское посредство и, действительно, значительно позднее, поскольку в памятниках старорусского языка XVII века она не регистрируется.

В современном украинском языке употребительны формы и **быдло** и **скот**. При этом **быдло** в своем основном значении является регио-

¹⁴ А. Bańkowski, *Etymologiczny słownik języka polskiego*, Warszawa 2000, t. 1, s. 102–103.

¹⁵ Ibidem, s. 103.

нально ограниченным. Общеизвестна эта лексема в качестве бранного слова и как собирательное «скоты»¹⁶. Лексема **скот** функционирует как собирательное «скот» и в качестве бранного слова. Здесь результат семантического развития наблюдаем такой же, как и в русском языке.

Часть – верема – врѣмѧ

Часть, час (134) 1) (*одна з основних об'єктивних форм існування матерії, яка виявляється у тривалості буття*) – час; (*послідовна зміна днів, років і та ін.*) – час; 2) (*тривалий період, епоха у житті держави, суспільства*) – час, часи; 3) (*певний період, проміжок у послідовній зміні днів, років і та ін.*) – пора, час; 4) (*міра тривалості всього, що відбувається, існує*) – час; 5) (*визначений період, строк*) – час, пора; 6) (*відповідний, визначений для якої-небудь справи момент*) – час, пора (ССУМ 2, 531–532).

Примеры: **рѣчи** котории жь в часу бывають аж бы не проминулы сь проминучими часы подобно естъ **имѣлы** ли бы приити къ будущей знаѣмости аж бы **вѣчно**стью листовъ были подтвержены (Снятин, 1424); а николи(ж) не хощѣм о(т)става(т) и на **вѣки** и во вшитки часы николи ихъ не о(т)стати (Ланчиця, 1388); *Też jestliby... niekotorij przypużonyj wielikoju potrzebnoju, czasu nocznoho wołałby, a jestliby chrest'jane jemu ku pomożeniu ne pribehli... tridcat' szelahow majet' zapłatiti* (Луцьк, 1388) и др. (ССУМ 2, 531–532).

Верема (13) – час (ССУМ 1, 164).

Примеры: *A to weremia siechalisia byli k nam kniazi, Panowe, Boiare i wsia zemlia* (Липнишки, 1433); *А пак до того веремеѧ и до того и до того часоу наияснѣ(и)шїи вишеписанїи кралеѧе ... тако слюбили нам, Стефануо воеводи, оборонити нас завжды* (ССУМ 1, 164).

Врѣмѧ (4) (*цсл врѣмѧ*) – час (ССУМ 1, 200–201).

Примеры: Мы **кнѧ**(з) двдѣ дмитриѧви(ч) **кнѧ**(з) русанѣ плак-си(ч) ... чинимы знамени(т) ... како кедї в то **врѣмѧ** коли **кнѧ**(з) велебнии дмитрии ... голдование и **вѣрность** и послушество ... королеви польскому ... слюби(л) а мы ислубуѣмы за него (Лучиця, 1388). (ССУМ 1, 200–201).

¹⁶ *Українсько-російський словник*, ред. В. С. Ільїн, Київ 1971, с. 27.

В. М. Русановский относит появление лексемы **час** (в значении «время») к XV веку, ко времени, когда в языке Южной и Западной Руси отразилось влияние украинской и белорусской разговорно-бытовой сферы¹⁷. Материалы ССУМ, как видим, показывают, что лексема **часъ** уже и в XIV веке имела широко развитую семантическую структуру, видимо, вследствие того, что это лексема общеславянского происхождения, распространенная в древнерусском языке и отмечаемая также в памятниках староцерковнославянского языка (более 100 употреблений) в значениях «время, час, пора»; «мгновение, краткий промежуток времени»; «час (часть суток)»; «погода»¹⁸. Но в староцерковнославянском языке более активной была лексема **врѣмѧ** (около 500 употреблений) в значениях «время, период», «подходящее время, надлежащий срок, благоприятный, удобный момент», «обстоятельства»¹⁹. Материалы И. И. Срезневского показывают, что **часъ** в древнерусском языке имело значение «время», «соответственное время», «мера времени, подразделение суток», «счисление времени по часам», «снаряд для измерения времени, часы», «часы (церковная служба)», «счастье, удача»²⁰. Лексема **врѣмѧ** (**веремѧ**) характеризовалась не менее широким семантическим полем: «время вообще», «ограниченное, определенное пространство времени», «пора, должное, удобное время», «*wigilia*», «грамматический термин»²¹. *Словарь русского языка XI–XVII веков* отмечает также значения «год», «погода»²².

Соотношение в употреблении лексем **часъ**, **врѣмѧ** и **веремѧ** в ССУМ показывает, что в XIV–XV веках староукраинский язык, сохраняя в целом набор лексем эпохи древнерусской общности, тем не менее, достаточно отчетливо демонстрирует перераспределение «центров тяжести» в данном лексико-семантическом пространстве. Употребительность формы **врѣмѧ** сведена по сути к минимуму, что свидетельствует о ее неактуальности для живой речи того времени. Более

¹⁷ В. М. Русановский, *Язык деловых документов восточных славян XIV–XV веков*, [в:] *Востонославянское и общее языкознание*, ред. О. Н. Трубачев, Москва 1978, с. 183.

¹⁸ *Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков)*, ред. Р. Цейтлин, Р. Вечерка, Э. Благова, Москва 1999, с. 776–777.

¹⁹ Там же, с. 125–126.

²⁰ И. И. Срезневский, *Словарь древнерусского языка*, репринт, Москва 1989, т. 3, ч. 2, с. 1479–1482.

²¹ И. И. Срезневский, ..., т. 1, ч. 1, с. 319–321.

²² *Словарь русского языка XI–XVII веков*..., вып. 3, с. 108–109.

активна форма **верема** с заменой неполногласного сочетания на закономерное восточнославянское полногласие, что, тем не менее, представляется достаточно искусственным по отношению к данной лексической единице. Явно доминирующую роль играет лексема **часъ**, причем те семы, которые получили дальнейшее развитие в языке Московской Руси и в современном русском языке («отрезок времени в 60 минут», «прибор для измерения времени»), в староукраинском языке отсутствуют.

На наш взгляд, объяснение этому надо искать во влиянии польского языка (шире – западнославянских), где именно в таком направлении шло развитие данного лексико-семантического поля. Свидетельства современного украинского языка показывают, что лексема **время** утрачена, отрезок времени в 60 минут обозначается словом **година**²³, как и в польском языке, прибор для измерения времени называется словом **годинник** (ранее также **зегарь**, как в польском языке). Речь идет, таким образом, о польском влиянии на семантическое развитие и состав ЛСГ, включающей первичную триаду **часъ – врѣмѧ – верема**. Думается, что отнесение лексемы **часъ** в значениях, отличающихся от современного русского языка, нельзя считать только диалектным украинско-белорусским явлением. За этим диалектным явлением просматривается отчетливое влияние польского языка.

Скарга – жалоба

Skarha (1) (*cmn skarga*) ◇ **czerez skarhu nawesty** (кого) – спонукати судовою скаргою (кого до чого): *oliżby czerez skarhu byłby naweden* (Луцьк, 1388) (ССУМ 2, 348).

Жалоба (52) (*офіційна заява в суд*) – скарга (ССУМ 1, 353).

Примеры: Коліі хто причиною оумре(т) алюбю оутоне(т) алюбю с древа спадѣть о томъ не(т) жадное жалобы оу праве (XV ст.). И положы(л) пере(д) нами жалобу Ивашко сови(ч) на бориса семеновича (Вільна, 1495) (ССУМ 1, 353).

Как и лексема **быдло**, в материалах ССУМ **скарга** представлено одноразовым употреблением, что свидетельствует о новизне данной лексемы в староукраинском языке. Более распространенной и употребительной была лексема **жалоба**, которая в значении «выражение

²³ В материалах ССУМ находим и слово **година** (в молдавских грамотах), но здесь значение слова **година** отражает южнославянский вариант – «год».

неудовольствия” по какому-либо поводу или “официальное заявление” в русском языке употребляется до настоящего времени²⁴.

Слово **жалоба** как юридический термин было свойственно языкам всех молодых восточнославянских народностей. С конца XIV века в аналогичном значении в деловой письменности Западной Руси встречается слово **скарга**. ... Полонизм по своему происхождению, это слово в украинском и белорусском литературных языках впоследствии закрепляется в качестве литературной нормы и употребляется параллельно с общеславянским **жалоба**²⁵.

В современном украинском языке находим лексему **скарга** в значении «жалоба», «сетование» и в значении «официальное заявление, жалоба» и лексему **жалоба** с доминирующим значением «жалоба, сетование». Юридический аспект присущ равноправным деривативным формам **скаржник**, **скаржница** и **жалобник**, **жалобница** – тот, кто подает официальное заявление-жалобу²⁶. М. А. Брицын отмечает, что отсутствие перехода О в І в словах **жалобник** и **жалобница**, по всей видимости, объясняется аналогией к слову **жалоба**. Впрочем, оно может объясняться и тем, что **жалобник** вошел в украинский язык из польского (польское *żałobnyk*)²⁷.

В украинском языке находим еще и форму-омограф **жалоба** в значении «траур» с характерным переносом ударения на предпоследний слог, что абсолютно соответствует польскому языку как по месту ударения, так и по семантике.

Таким образом, в процессе исторического развития полонизм **скарга** стал вытеснять первичное **жалоба**, что привело к функциональному равновесию форм в современном украинском языке. Но польское влияние проявилось не только в экспансии слова **скарга**, но также и во влиянии на семантику лексемы **жалоба**.

Поскольку в старопольском языке также находим *żałoba* в юридическом значении *rozwanie wniesione do sądu, formalnie otwierające przewód sądowy*²⁸, можно предположить, что в XIV–XV веках, когда в результате известных общественно-политических событий польский

²⁴ С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1989, с. 192.

²⁵ М. А. Брицын, *Из истории восточнославянской лексики*, Київ 1965, с. 98–99.

²⁶ *Українсько-російський словник*, ред. В. С. Ільїн, Київ 1971, с. 207, 854.

²⁷ М. А. Брицын, *Из истории восточнославянской лексики*, с. 101.

²⁸ *Mały słownik zaginionej polszczyzny...*, s. 394.

язык стал особенно активно проникать в сферу действия языка староукраинского, юридический аспект слова **жалоба** был поддержан и усилен его польским эквивалентом, а также расширен за счет значения «траур». В дальнейшем в польском языке доминирующим становится слово **скарга**, что, в свою очередь, также получает отражение и в украинском языке. Но функционально и системно сильное **жалоба** в украинском языке не утрачивается, создавая вместе со словом **скарга** почти равноправные лексические варианты. Вариант **скарга**, на наш взгляд, является сейчас формой более официальной, чем **жалоба**.

**Привилей – вольность – жалованье – право –
твердость – крепость**

Привилєи, привиліи (14) (*смп przywilej, лат privilegium*) (*юридичний документ, грамота, що стверджує право на що*) – привілей;

Привіліа, привилиа, прівилиа, привиліа (12) (*смп przywileja, лат privilegium*) (*юридичний документ, грамота, що стверджує право на що*) – привілей;

Привиліє, прівиліє (165) (*смп przywilej, лат privilegium*) (*юридичний документ, грамота, що стверджує право власності на що*) – привілей (ССУМ 2, 234).

Примеры: И поведили передъ нами шожъ ихъ привилей на ихъ село отчизное Осекрово зъ церкви ихъ згинуль (Троки, 1498); и мы пну станиславу старосте жомои(т)скомуу прывиле(и) дя(д)ка своего... казали пере(д) нами положить (Вільна, 1499); А и привиліє що имали Мароушка ... и племеница єи ... тая привиліа на тоє село на Ілїєшевци ... от дада нашего от Александра воевод(ы), а тота привиліа загибла (Гирлов, 1499); А писалі привиліє се поповичъ болестрашицкии (Перемишль, 1366); а они дали своє привиліє пере(д) нами, що имали на тоє село (Сучава, 1453) (ССУМ 2, 234).

Вольность (7) 1) (*лише у множині*) (*звільнення від якихось повинностей*) – пільги; 2) (*виняткове право*) – привілей (ССУМ 1, 195).

Примеры: дали есмо ... емоу две дворища тяглыхъ ... со всеми тыми приходы, и доходы, и волностями, и уезды, што къ тымъ селомъ слушаєть (Луцьк, 1445–1452); а такъ мы хотѣчи его въ здѣ(шнемъ) панствѣ нашомъ, при дворѣ нашомъ, заховати, оного прыймуемо и прыяли есмо, яко человекѣа зацного ..., которому зъ ласки наше на даем о волности в(шеля)коѣ въ здѣшнемъ панствѣ нашомъ ... заживати (Луцьк, 1438) (ССУМ 1, 195).

Жалованье (14) – надання, пожалування; ◇ **жалованье вчини-ти** (2) – надати, пожалувати (ССУМ 1, 353).

Примеры: а на потверженье того нашего жалованья ... и печать нашу велѣли есмо привѣсити к сему нашему листу (Київ, 1433) (ССУМ 1, 353). А еще надобѣла дела оу Стрета нисколько поставовъ есми взалѣ какъ жалованье вчинилъ (без места написания, 1484).

Право (1) – законне підтвердження (ССУМ 2, 220–221).

Пример: Нагорка и Шѣпица повелили передь нами, ижъ они тьи земли покупили, и въ книгахъ земьскихъ тая речъ имъ оправена, а права ни одного, а ни твердостей инъшихъ на то не мамы (Краков, 1489) (ССУМ 2, 220–221).

Твердость (86) 1) (*узаконення права*) – підтвердження правомочності; 2) (*документ*) – підтвердна грамота, привілей; ◇ **дати твердость, имати твердость, чинити твердость**.

Примеры: а на то азъ па(н) петрашь староста далъ есмь кундратови нашъ листъ под нашею печатью на свѣдоцтво и на твердость (Галич, 1401); а на потвержене того н(а)шого жалованѣ, про лепшую памѣт и твердость, печат н(а)шу велѣли есмо привесити к сему н(а)шому листу (Київ, 1437); а те(ж) бы кто имѣ(л) твердості наши алюбю наши(х) прѣ(д)ковъ ... нехотели бы къ правѣ стати бж(д)то во дѣди(ч)ны(х) реча(х) тогды мы ты(и) твердості о(т)зывавы а ни во што оборочаи (XV ст.) (ССУМ 2, 424).

Крѣпость (304) – правомочне потвердження (ССУМ 1, 521); **крапкость** (1) (*cmn krzepkość, смч кѣрпкост'*) – правомочне потвердження (ССУМ 1, 521).

Примеры: а на крѣпость того наша печать к сему листу велѣли есми привѣсити (Луцьк, 1388); а на крапкость томоу всемоу маѣстатъ нашъ есмо привѣсили и наша рада ... свои печати къ семоу нашомоу листу прывѣсили жъ (Сучава, 1442) (ССУМ 1, 521).

Как видим, деловой документ, подтверждающий право его властителя на какие-то особые привилегии и выделяющий его из массы других людей, на территориях Южной и Юго-Западной Руси мог именоваться целым набором, инвентарем лексем, образующих синонимический ряд (или ЛСГ) с доминантным значением «юридический документ, дающий право на что-либо». Если судить по количеству употреблений, то наиболее частотными были лексемы **крѣпость** (304), **привилей** (во всех трех родах – 91), **твердость** (86).

Слово **крѣпость**, по данным *Словаря русского языка XI–XVII вв.*, было многозначным: 1) «твердость, прочность, крепость»; 2) «физическая сила, мощь»; 3) «могущество, сила, непобедимость»; 4) «му-

жество, стойкость, твердость»; 5) «строгость, суровость (об образе жизни)»; 6) «тюремное заключение, заточение; лишение свободы»; 7) «Приспособления для скрепления, укрепления частей каких-либо строений, сооружений»; 8) «укрепление, сооружение, делающее неприступным какой-либо пункт»; 9) «оплот, защита»; 10) «все то, что подтверждает, утверждает достигнутое соглашение о чем-либо (документ, присяга, клятва); подтверждение, утверждение» // документ, подтверждающий право на владение кем-, чем-либо, а также обязательство, скрепляющее достигнутое соглашение»²⁹. Значение «подтверждение, утверждение // документ» отмечено памятниками XV, XVI и XVII веков. В *Материалах* И. И. Срезневского значение «подтверждение, утверждение» – самое раннее – отмечено в *Ярлыке хана Узбека* 1315 года. Остальные примеры XIV–XV веков взяты из документов Юго-Западной Руси³⁰. Скорее всего, и *Ярлык хана Узбека* был написан писарем – выходцем из Юго-Западной Руси.

Вывод из приведенного материала можно сделать следующий: значение «подтверждение, утверждение // документ» в семантическом поле лексемы **крѣпость** появляется относительно поздно. В языке Московской Руси оно заимствовано, надо полагать, из языка Юго-Западной Руси, где это значение фиксируется как доминирующее в слове **крѣпость**. В языке древнерусском (XI–XIII веков) употреблялось слово **грамота** для обозначения различного рода документов.

Теперь возникает вопрос: откуда в языке Юго-Западной Руси появляется значение слова **крѣпость**, которого ранее не было? Является ли это значение результатом обобщенного труда писарей юго-западных канцелярий или же появление данного значения имеет свой конкретный источник? Ответ находим в самих материалах ССУМ: значение «правомочное подтверждение» имели польское **krzepkość** и чешское **křepkost**. (см. выше). Значит, в слове **крѣпость** мы видим западнославянское семантическое влияние, семантический полонизм.

Лексема **твердость** была синонимом лексемы **крѣпость**, уступая ей по количеству употреблений. В *Материалах* И. И. Срезневского **твърдость** = **твердость** не имеет значения «юридического правомочия»³¹. А вот в старопольском языке такое значение было: **twierdość**, **twardość** – *prawnicze: ważność*, *moc prawna*; *list twierdości*, *zapis twar-*

²⁹ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* ..., вып. 8, с. 36–37.

³⁰ И. И. Срезневский, ..., т. 1, ч. 2, с. 1351–1352.

³¹ Там же, т. 3, ч. 2, с. 940.

dości – zapis potwierdzający czyjeś uprawnienia, dokument stwierdzający czyjeś uprawnienia, przywileje³².

Как видим, снова перед нами влияние польского языка также и на семантику слова **твердость**.

В современном украинском языке в соответствующем значении закрепились все же не слово **крѣпость** и не слово **твердость**, а слово **привілей**, причем в форме *польской* в отличие от современного русского **привилегия**, которое появилось, по утверждению Н. М. Шанского, в Петровскую эпоху³³. Слова **крѣпость** в современном украинском языке не находим, а **твердість** сохранилось, но не в значении «подтвердительного документа, привилегии». В современном польском находим и **krzepkość** и **twardość**, но значение «юридический документ» здесь также утрачено.

Лексема **привілей**, таким образом, оказалась наиболее жизнеспособной из всей, указанной выше, ЛСГ. Более того, для жителя Юго-Западной Руси форма **привилье** казалась, возможно, наиболее родной по звучанию, так как была омофоном к слову **привілля** – «приволье» и связанной со словом **воля**.

Лексему **привилей** и **привилий**, а также **привилье** находим и в *Словаре русского языка XI–XVII веков*, но только в памятниках XVII века. Самая ранняя фиксация (XVI век) относится к форме среднего рода **привилье** и отмечена в материалах польских дел³⁴. Думается, что эти формы пришли в русский также через посредство Юго-Западной Руси, а не непосредственно из польского языка. Даже форма среднего рода **привилье** свидетельствует об этом. Выше отмечено, что именно форма среднего рода в староукраинском была наиболее частотной в употреблении. Такая форма и фиксируется ранее всего в документах Московской Руси, но подчеркнем еще раз: при описании польских событий. То есть, для жителя Московской Руси это слово было чужим.

Если посмотреть на остальные компоненты рассматриваемой лексико-семантической группы, то окажется, что в староукраинском языке между лексемами всей ЛСГ можно обнаружить общий семантический стержень – значение слова **привилей**. Но все указанные лексемы были многозначными. Значение «позволения», «позволяющего

³² *Mały słownik zaginionej polszczyzny...*, s. 340.

³³ Н. М. Шанский, Т. А. Боброва, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 1994, с. 253.

³⁴ *Словарь русского языка XI–XVII вв.* ..., вып. 19. с. 112.

и дающего право на что-либо документа» было в данном ряде лексем одним из других. Например, слово **право** в материалах ССУМ отмечается 240 раз в следующих употреблениях: 1) (*надана законами держави воля, свобода, змога діяти, здійснювати щось, розпоряджатись чимсь*) – право; – правомочність; 2) (*сукупність установлених державою норм і обов'язкових правил*) – закон, право; правопорядок; 3) справедливість; 4) (*державний орган правосуддя*) – суд, судейська колегія; судовий розгляд, судовий процес; присуд (ССУМ 2, 220–221). Нужно нам значение «законне підтвердження» отмечено в употреблении только 1 раз.

М. А. Брицын, исследовавший формирование юридической номенклатуры восточных славян, указывает, что

как юридический термин слово **право** бытовало лишь в языке украинской и белорусской народностей начального периода их формирования и последующего времени. (...) Юридическое использование слова **право** обнаруживается в письменности тех земель и княжеств, которые либо вошли в состав Польско-Литовского государства, либо поддерживали с ним тесные политические, экономические и другие связи³⁵.

В *Словаре русского языка XI–XVII веков*, тем не менее, находим пример из Лаврентьевской летописи, где слово **право** употреблено в юридическом значении как «установление, закон»: (*И*) *рѣша сами в себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву (и) идоша за море къ варягомъ*³⁶. Но остальные примеры *Словаря* относятся, в основном, к XVII веку, что подтверждает наблюдения М. А. Брицына.

Слово **вольность** как таковое в материалах *Словаря русского языка XI–XVII веков* отмечается лишь в памятниках XVII века в отличие от староукраинских памятников XV века, то есть, на два века позднее. Отсюда можно сделать вывод, что и слово **вольность** также пришло в Московскую Русь из Руси Юго-Западной.

Слово **жалованье** в старорусском языке употреблялось в значении «льгота» или «пожалование». Одна из ранних фиксаций – в Типографской летописи конца XV века³⁷. Но все же более распространенной была **жалованная грамота** как *документ, предоставляющий льготы*,

³⁵ М. А. Брицын, ..., с. 90–91.

³⁶ *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, вып. 18, с. 115.

³⁷ Там же, вып. 5, с. 72–73.

*привилегии в чем-либо, а также документ, закрепляющий пожалование, дар*³⁸. С другой стороны, **грамота** в материалах ССУМ имеет только 42 фиксации и имеет общее значение письменного документа, письменного уведомления (ССУМ 1, 260).

Подведем итоги:

1) Мы рассмотрели всего лишь 4 группы лексических вариантов. Из них только в трех группах имеются словарно маркированные полонизмы: **быдло**, **привилей**, **скарга**. По происхождению своему **привилей** является словом латинским, а **быдло** и **скарга** имеют корни славянские. Славянскими по корнеслову являются также все остальные члены рассматриваемых лексико-семантических групп.

2) Анализируемые материалы ССУМ показывают, что собственно полонизмы еще только начинают активно проникать в язык Южной и Юго-Западной Руси. По количеству употреблений они (**быдло**, **скарга**) уступают своим немаркированным соответствиям. Исключение здесь представляет слово **привилей**, манифестирующее достаточно высокую частотность употреблений, но, тем не менее, уступающее по частотности слову **крѣпость**.

3) Указанные маркированные полонизмы по своей семантике являлись лексическими вариантами, синонимами соответствующих немаркированных лексем, образуя с ними пары или даже многочленные, многокомпонентные ряды (**привилей**). Связующим было наличие общего семантического стержня между членами ЛСГ. Но в каждом конкретном случае видим и отличия: более общее значение лексемы **быдло** при более узком значении лексемы **скот**. В случае пары **скарга** – **жалоба** наблюдаем фактически семантическое тождество, но при этом, как полагаем, значительный перевес в употреблении слова **жалоба** над словом **скарга** объясняется еще и тем, что **жалоба** было известно ранее восточнославянским языкам, а в русском языке употребляется до сих пор также и в юридическом значении. То есть, в староукраинском языке **жалоба** было «своим» в отличие от явного полонизма **скарга**.

Слово **привилей** было более конкретным и семантически более четким в отличие от других компонентов своей ЛСГ.

4) В процессе исторического развития языка все рассматриваемые маркированные полонизмы были приняты и закрепились в украинском языке. Более того, лексема **быдло** была транспонирована далее, в Русь Московскую, а потому известна и современному русскому языку.

³⁸ Там же.

5) Вариантный ряд, куда входит общеславянская по происхождению лексема **час**, свидетельствует о том, что в рассматриваемый период происходит достаточно отчетливое отделение, отграничение в процессах семантического развития языка Юго-Западной Руси от языка Северо-Восточной Руси. При общих исходных семантических компонентах лексемы вариантного ряда староукраинского языка в своем развитии и функционировании направлены на язык польский. То есть, формирование семантических отношений внутри ЛСГ происходит по польскому образцу, что привело к утрате лексемы **время** и актуализации соответственных семантических компонентов лексемы **час**. Таким образом, лексема **час**, не будучи словарно маркированным полонизмом, тем не менее проявляет в староукраинском языке семантические особенности соответственной польской лексемы.

6) В ЛСГ с полонизмом **привилей** почти все лексические компоненты группы при ближайшем рассмотрении оказались семантическими полонизмами. Те лексемы, которые находим также в языке древнерусском и старорусском, обладали очень широким семантическим спектром. Юридическое (правовое) значение рассматриваемых лексем, которое доминирует в материалах ССУМ, в староукраинском языке оказывается заимствованным из языка польского. В этом отношении можно сблизить группу с доминантой **привилей** и пару **скарга** – **жалоба**. Связующим звеном между этими группами оказывается лексема **грамота**, которая в сочетании с различными определениями в древнерусском и старорусском языках выполняла функции слова **скарга** и функции слова **привилей**. Именно поэтому в материалах ССУМ лексема **грамота** представлена достаточно скромно и только в значении какого-либо нейтрального государственного документа.

7) Общий вывод из проанализированного материала можно сделать следующий: в XIV–XV веках происходит формирование своего рода конвергентной зоны³⁹ между языком Южной и Юго-Западной Руси (староукраинским), с одной стороны, и языком польским, с другой стороны. Сопоставление с современными русским и украинским языками показывает, что развитие семантики рассматриваемых лексем происходило преимущественно по польскому образцу.

³⁹ У. Вайнрайх, *О совместимости генеалогического родства и конвергентного развития*, [в:] *Новое в лингвистике*, ред. В. Ю. Розенцвейг, вып. 6, Москва 1972, с. 507.

8) Данные ССУМ позволяют в некоторых случаях уточнить, определить более четко время появления некоторых лексем не только в староукраинском, но и в старопольском языках.

STRESZCZENIE

Artykuł poświęcony jest analizie 4 grup wyrazowych (быдло – скотъ, скарга – жалоба, часъ – врѣмѧ – веремѧ, привилей – вольность – жалованье – право – твердость – крѣпость), z których tylko trzy leksemy: быдло, привилей, скарга traktowane są w *Słowniku języka staroukraińskiego* jako polonizmy.

Przeprowadzone badania pokazują jednak, że semantyka większości leksemów świadczy o wyraźnych wpływach polskich. Dotyczy to takich wyrazów jak часъ, жалоба, вольность, право, твердость, крѣпость). Porównanie z językiem staroruskim i współczesnym językiem ukraińskim i rosyjskim pokazuje również, że w procesie rozwoju historycznego język ukraiński wybierał (w materiale analizowanym) opcję podobną do polskiej. Można mówić o powstaniu w XIV–XV wieku zony konwergencji językowej pomiędzy językiem polskim a językiem terenów Rusi Południowej i Południowo-Zachodniej.